Эмигрант по призванию (Веселовский С.Б.)

Наташа Северная

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Степан Борисович Веселовский стал историком, специалистом по средним векам Руси в прошедшем уже XX веке – историком номер один. Не потому, что его работы безупречны и по прошествии многих лет совсем не устарели. Устаревает все. Но у каждой науки есть клад, в нем откладывается на вечное хранение то, что сыграло особую роль в жизни науки.

Историк Юрганов А.Л.

- Наташа Северная
- 1876–1915 гг. Российская империя
- 1915–1952 гг. Российская империя – СССР
-
- Список использованной литературы и источников

Наташа Северная
Эмигрант по призванию
(Веселовский С.Б.)

Я люблю историю.
Не любил бы – не стал бы историком.

Люсьен Февр.

Степан Борисович Веселовский стал историком, специалистом по средним векам Руси в прошедшем уже XX веке – историком номер один. Не потому, что его работы безупречны и по прошествии многих лет совсем не устарели. Устаревает все. Но у каждой науки есть клад, в нем откладывается на вечное хранение то, что сыграло особую роль в жизни науки.

Историк Юрганов А.Л.

1876–1915 гг. Российская империя

Веселовский Степан Борисович родился 4 сентября 1876 г., в дворянской семье, ведущей свой род от знаменитых петровских дипломатов. Детство Веселовский провел в кругу старинных дворянских фамилий, находясь в курсе их семейных связей, запоминая устные версии о родопроисхождении (11, с. 271), это определит его жизненные склонности, вкусы, манеру поведения, интеллигентность, культуру, род занятия и отношение к жизни. Примечательно, что уже с детства маленького Степана интересует семейная родословная. Как хорошо, что этот интерес не пропадет и не будет задавлен, через несколько десятилетий историческая наука получит блестящего генеалога.

Круг интересов большой семьи был очень разносторонним. Дядя, Константин Степанович – известный экономист и статист; двоюродный брат Николай Иванович – археолог и востоковед; отец Борис Степанович – агроном (11, с. 7); двоюродная сестра Софья Перовская – революционерка и цареубийца (13, с. 51). Впитывая в себя это разнообразие, Веселовский получает основу личностной глубины и многогранности. В будущем, он так и не сумеет замкнуться на какой-то одной сфере интересов. Следует сказать, что его отношения с родителями и братьями были довольно сложными. Что стало причиной постоянного недовольства и раздражения родными, неизвестно. Но когда в годы революции брат покончит с собой, Веселовский отнесется к этому почти что равнодушно.

Среднее образование, он получает в московской, а затем в тамбовской гимназиях (11, с. 7). В 1896 г. поступает на юридический факультет Московского университета. В обществах, с традиционно высоким социальным статусом профессии, профессиональная идентичность выступает как ведущий фактор психического благополучия, дающего ощущение стабильности окружающего мира и уверенности в своих силах (8, с. 51). Выбор юриспруденции был не случаен, а полностью соответствующим требованию своему времени. В университете у него определяется склонность к научно-исследовательской работе. Под руководством профессора И.Х. Озерова, Веселовский изучает историю философии права, переводит с латинского языка «Политический трактат» Б. Спинозы и пишет научную работу на тему «Политические воззрения Спинозы» (11, с. 7). Результатом этих занятий, явилась его рецензия, которая в 1906 г. была напечатана в журнале «Вопросы философии и психологии». Впоследствии, этот год Веселовский считал началом своей

серьезной научно-исследовательской деятельности. Дипломная работа была посвящена истории финансов дореволюционной Франции. Будучи студентом, он около года провел в Германии, Франции и Швейцарии, собирая для нее необходимые материалы. Окончив в 1902 г. университет, Веселовский предпринимает шаг, предвидеть который не мог никто. Он бросает юриспруденцию и уходит в историю. Неожиданно, резко, и даже нелепо. По версии всемирно известного историка А. Дж. Тойнби, историк проявляется с детства. К сожалению, ограниченное количество материалов и источников по Веселовскому, не позволяет с точной достоверностью проследить его внутренний путь и интерес к истории. Мы можем делать только какие-то предположения. Известный французский историк Марк Блок в своей работе «Апология истории», описывает самые важные, по его мнению, характерные черты историка. Их всего две. Способность к восприятию живого; и постоянный контакт с современностью, который ведет к воспитанию исторической чуткости (2, с. 27–28). Эти черты характера у Веселовского проявлялись с детства. Растущая индивидуализация приводит либо к подчинению, либо к спонтанной активности (17, с. 236). Веселовский избрал второй путь.

Он приходит в историю в 26 лет, без учителей, наставников и исторических школ. И на всю жизнь, в истории, он останется один. С 1903 г. Веселовский самостоятельно определяет круг исторических интересов, со временем он расширится, но пока – экономическая история России XVII века (в дальнейшем этой темой займется его брат Борис Борисович). Он начинает изучать архивные документы по истории косвенных налогов как менее разработанной, а именно, историей питейного и таможенного доходов. Здравый смысл, креативное мышление и интуиция определяют выбор направления поисков. Прежде чем разрывать навозную кучу, надо оценить, сколько на это уйдет времени и какова вероятность того, что там есть жемчужина. Плодом этих занятий явились статьи «Азартные игры как источник дохода Московского государства в XVII веке”, 1909 г. и “Кабацкая реформа 1652 г”, 1914 г. (18, с. 165).

Его путь в науку, в те годы, был необычен. Хотя это полностью соответствовало его характеру: оригинальному, непредсказуемому, быть не таким как все, идти своим особым путем. Он не защищал ни магистерской, ни докторской диссертации. Не стремился к ученым званиям, считая, что результаты исследования должны говорить сами за себя. Удачно избранный вид деятельности только благоприятствовал развитию врожденных задатков. (10, с. 175)

В сентябре 1907 г. Веселовский был избран в члены Московского общества истории и древностей российских при Московском университете. Это дает возможность печатать в “Чтениях” общества свои исследовательские работы. Таким образом, Веселовский выходит на читательскую аудиторию. В 1909–1917 гг. он был активным членом еще 12 научных обществ. С декабря 1908 г. Веселовский получает приглашение работать по изучению памятников русской истории в Археографической комиссии. Она же и поручает ему редактирование приходо-расходных книг московских приказов. Какое-то время он преподает в одной из лучших московских гимназий – гимназии Л.И. Поливанова. Но учитель из него не получился. Его стихией были архивы, кропотливая, скрупулезная требующая большой усидчивости работа, а не воспитание подрастающего поколения.

Конец XIX – начало XX вв. в отечественной историографии ознаменовались широкой публикацией и введением в научный оборот писцовых и переписных книг – материалов хозяйственных описаний XV–XVII вв. Открытие нового, грандиозного по размерам комплекса источников привело к невольной их переоценке, к тому, что в них стали видеть ключ чуть ли не ко всей, социально-экономической истории Русского государства этого периода. Но односторонне увлечение писцовыми книгами приводило подчас историков к неверным выводам (11, с. 11). В рецензию на книгу Ю.В. Готье “Замосковный край в XVII веке” (с этого и начались неровные натянутые отношения между историками), Веселовский отмечал, что использованию писцовых книг в качестве исторического источника не предшествовало изучение приемов их составления. Тем самым он поставил перед исследователями задачу путем изучения приемов сошного письма выяснить, на какие вопросы может отвечать этот исторический источник (11, с. 11). Так начинается десятилетняя работа в архивах. И в 1915 г. – выходит I том, а в 1916 г. – II том капитального труда «Сошное письмо. Исследование по истории кадастра и посошного обложения Московского государства». Этот фундаментальный труд, основанный на громадном и глубоко изученном архивном материале, впервые введенном в научный оборот, приносит Веселовскому всеобщее признание историков. Наконец-то, спустя тринадцать лет, его, юриста по образованию, а потому среди историков-специалистов, белая ворона, – историческая среда официально признала, как равного себе. Долгие годы кропотливой работы принесли настоящий успех, а ведь все могло быть и наоборот. Академия наук присудила Веселовскому Уваровскую премию, а Московский университет присвоил в феврале 1917 г. степень доктора истории русского

права. Творческое напряжение всегда дает импульс к мощной, продуктивной энергии (3, с. 22). Тому, что «Сошное письмо» писалось 10 лет (согласитесь, срок не малый, и у каждого ли хватит терпения и целеустремленности?) есть две причины. Первая причина (о второй мы поговорим позже), Веселовский не просто читал и переписывал источники, а с начала и до конца их конспектировал. «Документ интересен как исторический источник, если его изучать в целостном виде, а при использовании отрывков из него, ценность его умаляется» (18, с. 162). Прежде всего, Веселовский – кабинетный ученый, в основном работающий дома (благо позволяли миллионы жены), замкнуто и изолированно от других своих собратьев, где у него хранился личный архив. Почти никогда не участвовал в теоретических дискуссиях. Разговорам, предпочитал дело.

Что же такое сошное письмо? Это описание земель в городах и сельской местности России XVII в., осуществляемое для того, чтобы обложить поземельным налогом все население страны. Это ключевой механизм для понимания самой сути государственно-общественной жизни. “И в свое время и в наши дни, – считает историк Л.В. Черепнин, – этот труд представлял и представляет настоящую энциклопедию сведений по истории землевладения и крестьянства, финансов и фискальной политики, аграрных отношений и структуры посадов” (18, с. 157). На труд Веселовского появляется ряд рецензий, в основном оценивающих его очень высоко: “Книга эта, – писал Б.Д. Греков, – прямо удивляет читателя количеством совершенно нового и очень важного материала, впервые привлекаемые к исследованию, а изобразительность и ясность изложения делают его труд интересным и вполне доступным не только для специалистов” (18, с. 157). «Сошное письмо» положила начало новому направлению источниковедения и до сих пор сохранила свое научное значение. Своеобразную оценку I тома, дал в личном письме автору от 28 декабря 1914 г. историк А.И. Заозерский. Он сравнил книгу с романом: «Сошное письмо, становится для читателя живым героем, за бой которого невольно следишь все время с таким же неослабным вниманием, как за приключениями романического героя» (99, с. 157). Не обошлось и без критики. По этому поводу, Веселовский, в своем дневнике сделал запись: «А.А. Кизеветтер отметил ясность языка, строгость и сдержанность выводов, и вообще изложения. Говорил о том, что во мне два „естества“ – финансиста и историка и что, к счастью, последнее естество взяло верх» (5, № 2, 2000 г., с. 134). Два естества, два человека… эти образы будут преследовать Веселовского всю жизнь, и тем сильнее, чем больше он будет верить в них сам. Это

состояние усугубится в годы революции и гражданской войны, когда Веселовский почти физически ощутит свою маргинальность и раздвоенность, что приведет к психическому расстройству, которое придется лечить. Но к этому мы еще вернемся.

Итак, в 38 лет, Веселовский становится признанным историком. По отношению к другим ученым – уже поздно, а по отношению к самому себе – в свой срок. В этой десятилетней работе он вырос и созрел, прошел долгий путь поисков, чтобы наконец начать создавать свой мир в истории и свое понимание истории. На этот счет есть интересное высказывание: “Мудрый человек живет, следуя своему сердцу, опираясь на свою природу, полагаясь на дух, при том, что каждое из них поддерживает другое” (7, с. 34).

“Один из немногих, – скажет о нем историк В.Б. Кобрин, – кто остался участником развития науки на многие годы после своей смерти” (11, с. 3). Его труд в истории был титаническим. Что ж, особые способности требуют и особых затрат энергии (20, с. 136). Одним из первых он осуществляет целую серию работ по генеалогии, впервые применяет ее методы для изучения земельных владений феодалов. Генеалогия позволила Веселовскому проследить судьбы землевладения отдельных боярских семей, изучить процесс деления крупных вотчин в семейных разделах. В частности реконструировал историю дворянского рода Пушкиных, предков великого поэта. Веселовский первым ввел в историческую науку данные топонимики – науки о географических названиях. Восстановил географию средневековой Руси, составил атлас карт XIII-XVII вв., написал историко-географический очерк «Окрестности Москвы XIV–XVI вв.». Внес существенный вклад в развитие и применение в исторических исследованиях – антропонимики, науки о личных именах. Составил «Ономастикон» – обширный свод сведений о древнерусских некалендарных именах и происходящих от них фамилиях, включающий около 6 тыс. антропонимов, с указаниями на этимологию и время упоминания в источниках (11, с. 24–25). Веселовский становится известен не только как знаток истории финансов, феодального землевладения и крестьянства, но и, как археограф, обогативший историческую науку значительным количеством не известных ранее исторических источников. По поручению Академии наук в 1917 г. он напишет академический разбор работы В.К. Клейна «Угличское следственное дело о смерти царевича Дмитрия». За эту работу Веселовский получит от Академии наук золотую рецензентскую медаль. Ему принадлежат значительные источниковедческие работы – «Духовное завещание Ивана Грозного как исторический

источник», «Топонимика на службе истории» и др. Им издано большое количество документальных материалов – «Акты подмосковных ополчений и земского собора 1611–1613 гг.», «Арзамасские поместные акты 1578–1618 гг.» и др.

Во внутренней жизни и характере Веселовский был закрытым одиноким скептиком, с колоссальной работоспособностью. Эти грандиозные затраты энергии одного человека, способствовали новому осмыслению и познанию мира, его развитию и преобразованию. Однако усилий ученого-трудоголика не хватало: «Созревание исторической науки подвигается так медленно, – напишет впоследствии Веселовский, – что может поколебать нашу веру в силу человеческого разума» (6, с. 22).

Веселовский причислял себя к числу «монографистов». Одним из условий успеха научно-исследовательской работы он считал ее «планомерность». Неоднократно ратовал в печати за повышение качества научных работ и ответственности историка перед собой, перед наукой, перед обществом. «Главным тормозом развития науки, – считал он, – не столько малочисленность монографий, сколько не вполне удовлетворительное выполнение некоторых из них» (18, с. 163). Поэтому Веселовский стремится поднять значение и усилить действенность научной критики. Словом, он поставил вопрос о «контроле ученого мира» над исследователем, который, развивая в себе «чувство самоконтроля», должен предоставить в распоряжение других всю свою лабораторию. Признавая «неустранимость субъективного элемента» в научном труде, в котором многое «зависит от индивидуальности исследователя, от его приемов работы над источниками и от манеры излагать результаты своей работы», Веселовский тем не менее сформулировал несколько общеобязательных требований к авторам монографий; это «научная добросовестность, выдержанно критическое отношение и скептицизм к источникам» (18, с. 162).

Он не признавал «истории человеческого общества без живых людей» и сам уделял внимание «истории в лицах». Всегда выступал против односторонних оценок. Ратовал за комплексный, целостный подход к прошлому. Л.В. Черепнин считает, что источниковедческим приемам его методологии был присущ формально-юридический подход к изучению исторических источников и исторических явлений. В научной работе Веселовский исходил из принципа «никакое глубокомыслие и никакое остроумие не могут возместить незнание фактов» (18, с. 164). Призывал историков не приспосабливаться к вкусам читателей, а всегда строго придерживаться фактов. Он не уставал повторять, что методика исследовательской работы – это

серьезное, трудное и ответственное дело; предъявлял строгие требования к приемам анализа терминологии. Обширно использовал статистический материал. «Нередко выбор темы, – считал Веселовский, – определяется интересами современности, которые побуждают историка искать в прошлом объяснения для настоящего или уроков и указаний для будущего» (6, с. 293). «Представители точных наук, – говорил он как-то на одной из своих лекций, – сейчас работают путем опыта и путем непосредственного наблюдения, и благодаря этому они стоят на твердой почве, чем в значительной степени объясняются успехи точных наук. Историкам приходится иметь дело только с документами; они не могут наблюдать непосредственные факты и события в виде общего правила, тем более они не могут делать никаких опытов, и наблюдают они историю и познают историю только через документы, т. е. косвенным путем» (6, с. 222–223). Судьба любит играть людьми, и вскоре для Веселовского наступят времена, которые во многом изменят его отношения к истории, а он станет свидетелем грандиозных исторических событий, которые произойдут не на бумаге, а наяву.

Веселовский был одержим страстью к познанию. Его хватало на все, и он все успевал. Как это ни парадоксально, но архивная работа не уводила его от реальности (что впоследствии спасет его от самоубийства), наоборот, еще больше приближала к ней: «Историк, как и всякий ученый, должен быть отзывчивым к вопросам современности, но одновременно идеалом всякого историка остается задача, которую поставил себе более 2 тыс. лет тому назад величайший историк античного мира Фукидид, – писать так, чтобы произведение было „приобретением навеки“ (13, с. 57). Позиция Фукидида, для Веселовского стала и его личной позицией – создавать шедевры, с ювелирной точностью оттачивать слово историка, писать масштабные работы на базе колоссального архивного материала (который, как мы помним он еще вручную и конспектировал!), на меньшее согласен не был.

У читателя, наверное, может создаться впечатление, что так самозабвенно отдаваясь науке и творчеству, в личной жизни (как это бывает у многих ученых) Веселовский был не устроен. Отнюдь. За 76 прожитых лет, у него было два брака, семеро детей и множество адюльтеров. Колоссальное творческое напряжение, высокие цели, титаническая архивная работа требовала разрядки, и в конце концов желание идти в ногу со временем. Первой женой Веселовского стала Елена Сифферлен, дочь французского ученого химика и предпринимателя. Жили они в Москве, на Арбате, в доме № 23. Этот союз сделает его богатым человеком, хотя впоследствии окажется неудачным и мучительным для них обоих,

что не помешает им вырастить шестерых сыновей. И, в конце концов, позволяет ему полностью отдаться любимому делу. Благодаря браку, многие бытовые и насущные жизненные вопросы разрешились для него сами собой. Время и силы, которые Веселовский мог тратить на добывание хлеба насущного, он применяет на благое дело, историческую науку движет вперед. Его сложная натура и замкнутый образ жизни, очень интересно преломились в сознании современников и последующих поколений. У Веселовского есть множество образов, но один из них для него был самый болезненный: «Я давно и постоянно испытываю тягостное чувство пустоты, расхолаживающее влияние этой тупой, эгоистической, плебейски – завистливой и прозаически настроенной ученой братии. Мысль о том, что мое увлечение наукой и все мои труды, на их взгляд, есть чудачество обеспеченного человека, меня не покидает. С.А. Белокуров мне не раз говорил, с грубым добродушием, присущим ему: вот чудак! Сидит в архиве, когда мог бы кататься на автомобилях, пить шампанское и путешествовать в теплых краях» (5, № 2, 2000 г., с. 100). Это его мука на всю жизнь. И всю жизнь он будет доказывать, что это не так, что его интерес к истории не глупая случайность и уж тем более не забава богача. Это вторая причина, почему «Сошное письмо» писалось 10 лет. Уникальность работы состоит не только в ее исторической ценности, но и в том, что в ней сокрыт личный момент. Десять лет (!) терпя насмешливые взгляды, снисходительное к себе отношение, Веселовский упорно двигался к цели – убедить «ученую свору» в том, что он истинный ученый. И оглушительный успех «Сошного письма» заставил замолчать его недругов. До конца жизни Веселовский будет презирать, и держаться одиночкой от «ученой своры». А как известно, мотивационные явления, неоднократно повторяясь, со временем становятся чертами личности. У всех его работ была одна задача – «приобретение навеки» – после «Сошного письма» он не мог уже позволить писать себе, что-то слабее и ниже по уровню. Каждое его исследование было выдающимся и сразу же обращало на себя внимание. В работе он весь выкладывался, писал интересно и живо. «В то же время, Веселовского ценили, как ученого исключительной эрудиции, – впоследствии вспоминал историк Л.В. Черепнин, – обогатившего и продолжавшего обогащать науку новыми источниками, наблюдениями, мыслями, уважали его преданность раз избранной профессии, известную самоотрешенность и жертвенность в служении ей, видели в этом корень затворничества. Иногда это расценивали и как известное чудачество; но его охотно прощали маститому ученому за

благородство его труда» (18, с. 165).

Веселовский знал пять языков, но современникам он запомнился как отшельник. Для чего же он их учил? С кем собирался разговаривать? Все те знания, которые он по крупицам собирал, его уникальная эрудиция, все было предназначено для его «вечного» диалога с другими «живыми людьми», через глаза и воспоминания которых он пытался познать сущность мира и исторического процесса.

1915–1952 гг. Российская империя – СССР

Одинокий, ты идешь дорогою к самому себе!
И твоя дорога идет впереди тебя самого и твоих семи дьяволов!

Ницше.

В 1914 г. началась первая мировая война. Ее следствием стал продовольственный дефицит, банкротство промышленности, две революции, развал империи, расстрел царской семьи, и появление на политической карте мира нового государства – СССР. Эта война перевернет судьбы миллионов людей, явив миру газовые атаки, новые виды оружия и хаос, который породит новый общественный строй и поглотит великие империи: Российскую и Австро-Венгерскую. Свидетели этих уникальных и эпохальных событий оставят нам дневники и мемуары, а еще кинохронику, где кинолента запечатлит дух погибающей русской Атлантиды.

В 1905 г. Веселовский в разговоре с Ключевским предрек недолговечность империи и ее скорую гибель, которую он все же воспринимал абстрактно. Ибо когда все свершится, он поймет: пережить развал империи и выжить в чуждом мире, возможно только через гибель и разлом собственной жизни.

Несмотря на научный успех и дальнейшие перспективы, Веселовский чувствовал себя глубоко несчастным человеком. Душевная тревога, состояние неопределенности, тяжести, мучительное одиночество, резко изменившийся ход налаженной и спокойной жизни приводят его к мысли о личном дневнике. 7 января 1915 г. он делает первую запись. На его страницах Веселовский попытается объяснить себя для самого себя, в конце концов, разобраться в истоках одиночества и личного несчастья. Ему было 38 лет.

Это годы войны, а потому, условно назовем его военным дневником Веселовского, изначально ориентированным на внешний мир. Он готов идти к людям и быть ими читаемым, дневник пишет не историк Веселовский, а человек Веселовский. Он готов обнажить внутренний мир, свои переживания и тревоги, для замкнутого и отчужденного человека, большой поступок. В свой дневник Веселовский изначально вводит главное

действующее лицо, для которого все это и предназначалось – мнимого читателя. Ему тяжело «держать» монолог, он и так из одиноких: «оглядываешься кругом и ищешь, с кем было бы поговорить», – он жаждет диалога, но уже не «с другими живыми людьми» из других эпох, а с современником. Свою первую запись, Веселовский начинает с высокого интеллектуального запроса, ему не безразличен его мнимый читатель: «Следует писать так, чтобы и читателю оставалось, что додумывать. Искусство в том, чтобы читатель додумывал именно то, что имеет ввиду автор, и сам дополнял недосказанное автором» (5, № 2, 2000 г., с. 91). Этот мнимый читатель, как и сам Веселовский, должен быть особым, избранным, высоко эрудированным и интеллектуальным человеком. Какая интересная жажда игры среди начинающегося хаоса. Создается впечатление, что Веселовский готовится к очередной выдающейся работе. Но нет. Рукопись Веселовского – сугубо личный дневник, но как историк, он прекрасно понимает, что для будущих исследователей он создает источник, где речь идет о его интимном мире «профессора-чудака», «старика», «богача», про его будни и горести, сквозь которые проступают незнакомые черты Веселовского в корне меняющие представление о нем.

Мы помним, что к 1915 г. «ученая свора» наконец-то признала в нем профессионального историка. Но как личность и как историк, Веселовский продолжал развиваться, ведь это постоянный процесс. Личный дневник дает уникальную возможность выявить и проследить, как в эпоху катастрофы проходило его дальнейшее становление.

С первых строк, историк Веселовский мастерски и со знанием дела схватывает «дух времени»: «Кажется будто люди хотят заглушить суетой, беспорядочной работой и спазматическими усилиями воли гнетущее их смутное сознание надвинувшейся и растущей непоправимой беды» (5, № 2, 2000 г., с. 93–94). И о себе: «Когда очнешься, становится холодно, тяжело и все окружающее кажется чуждым». Это его первый шаг в бездну, в пустоту, в которую он будет лететь долгие годы, в прострацию, которая усугубит его психическое расстройство, подмеченное еще критиком А.А. Кизеветтером. И он устыдится этого, попытается скрыть, записав: «комиссия нашла сильное истощение и в некоторой степени базедовизм» (5, № 2, 2000 г., с. 98). Но пройдут годы и коллеги историки смогут расшифровать перечеркнутое слово «неврастения», тем самым, позволив себе непозволительное – разоблачение.

«Трудно, пожалуй, совсем невозможно изладить все то, что я переживаю. Все это кажется мне каким-то запоздалым и быть

может даже болезненным. Я так разбит физически и духовно, что не способен сойти с рельс по такому небольшому поводу. Такие калеки, как я, с рельс не сходят; их и сбить трудно» (5, № 2, 2000 г., с. 99). Восприятие себя как калеки – образ горький и символический. Сколько же лет копилась эта душевная тяжесть, чтобы в самый тяжелый жизненный момент, когда для выживания в военное время нужны все силы и энергия, подкосить, надломить? Потеряв почву под ногами и не обретя новой, Веселовский с ужасом понимает, точнее предчувствует, старая жизнь уходит навсегда и безвозвратно. Физически ощущая разрушение, разложение социокультурной среды, которая его взрастила, и в которой прошло его становление, что угнетающе действовало на его психическое расстройство, нарушает равновесие его личности, жизнь видится в черном однотонном цвете. Веселовский приобретает статус маргинала. Для маргинала апеллирование образами – это жизненная необходимость, чуть ли не единственный способ ориентации и познания постоянно изменяющегося окружающего мира. (1, с. 89) И для него переживание сложившейся жизненной ситуации оказывается сильнее, «устают все закоулки души», но… «научная работа становится отдыхом».

«На душе и в голове образуется пустота, которой не могут заполнить злобы дня и суета. Воображение уносит далеко от действительности, работает во время бессонных часов ночи и, кажется, дает отдых. Поздно – прошлого не вернуть. А „настоящее“ – горячее желание, чтобы оно скорее прошло. А будущее темно, как никогда» (5, № 2, 2000 г., с. 94). Ощущение «смерти в темноте» будет преследовать и угнетать его еще долгие годы.

Страшен одинокий крик человека срывающегося в бездну.

Так Веселовский прожил 1915 год.

Психологами замечено, в ситуации социальной нестабильности человек по иному переживает время собственной жизни, переосмысливает прошлое, настоящее и будущее. Такое время настало и для Веселовского, переосмысливая и передумывая самого себя, он создает потрясающий образ «Я – загадка для других», и потому я одинок в этом мире, несчастен, у меня нет любимой женщины и близкого друга, ведь меня так сложно понять, а у людей так мало терпения. За этим образом, он попытается скрыть свою личную неустроенность, постоянное психическое напряжение. Этой ролью «загадка для других» Веселовский вскоре начнет объяснять и свою неудачную любовь и неудачную попытку развода, и сильное желание любви, и одновременно свою неспособность любить. Ему, Титану, было

дано почти все, и почти все было под силу, кроме… взаимной любви. «Я не в силах понять себя и разобраться. Временами кажется, что вижу, начинаю понимать, но вдруг новый отблеск, поворот необъяснимый и все опять смутно, неясно» (5, № 2, 2000 г., с. 101). Плетя паутину для мнимого читателя, он сам в нее попадает. Введя в свою жизнь тотальный самоконтроль, попросту пожирает себя разумом. Так он пытается защититься от чего-то очень болезненного и несостоявшегося в своей жизни и в самом себе. Эта невыносимая душевная пытка будет длиться годами, неразрешимая, опасная, завораживающая. Его ситуация личного и социального одиночества вызывает противоречивость мыслей и чувств, которые становятся постоянными спутниками. Но и в этом противоречии было стремление обрести точку опоры и равновесия – «остается жить в себе и в своих мечтах».

На страницах личного дневника Веселовский признается мнимому читателю в мечте о другой жизни. Другая жизнь – это любимая женщина и личное счастье. Ведь реальность страшна, в ней присутствует лишь «сознание изломанной жизни». В какой момент мы поддаемся мечте, ослепляемся ею, начинаем жить ее желаниями и законами? Веселовский сознательно мучает себя, страдает, быть может, даже испытывая некое удовольствие от этих мук. И в своей душевной боли, с надрывом веры и надежды, взяв за руку мнимого читателя, он вводит его в личный ад: «Мираж, дивный, проклятый мираж. При приближении все исчезает, перед глазами та же пустыня, безбрежная, знойная и бесплодная. Открытый путь без дороги и цели. Зачем, куда?» Но мы помним, что «научная работа становится отдыхом» а потому можем предположить, что ад, который так талантливо описывает Веселовский, наполовину им придуман. Это забава «гения» – скажет он про себя.

В 1916 г. выходит II том «Сошного письма», в дневнике по этому поводу есть запись: «Мне дороже всего, чтобы были оценены и признаны основные мысли моей работы. Я уверен, что если они будут переварены и усвоены исторической наукой, то окажут большое влияние на последующие работы и приложение их к некоторым основным вопросам русской истории может дать очень хорошие плоды» (5, № 2, 2000 г., с. 108). Веселовский знает себе цену, шутя называет себя «гением». В нем много сложного и глубокого, сконцентрирована огромная энергия и психическая напряженность, порою он опасен даже для самого себя. В эти годы в Веселовском мало равновесия, многие трудности и сложности, которые он описывает, зачастую им выдумываются: «Природа дала много, но за свою щедрость наградила вечной неудовлетворенностью. Или это оборотная сторона, „проклятия

талантливости“ (5, № 2, 2000 г., с. 111). Тема „проклятия талантливостью“ частая в дневнике, он заворожен ею, ведь она позволяет ему называть себя гением и объясняет причины его несчастливой личной жизни. Веселовский увлечен собой всерьез и надолго, он настолько самодостаточен, что в действительности ему никто не нужен, ни друг, ни любимая женщина. Его задача проста, прежде чем покинуть этот мир, успеть оставить для потомков нужное дело. „Мне кажется, что я только начинаю работать, как следует, во всеоружии знаний и навыков, и что надеюсь дать еще ряд работ, не менее крупных и значительных, чем „Сошное письмо“ (5, № 2, 2000 г., с. 107). Но эти слова так и не стали пророческими. Жизнь больше не дала ему ни возможностей, ни сил, написать, что-то еще значительнее и грандиозней по замыслу, чем «Сошное письмо“. О, нет, он не выдохся, для Веселовского это невозможно, но остановился. Был предназначен и способен к высоким полетам, но в мире, в котором он жил, неба не существовало, а потому – Прометей не зажег нового огня. Его лебединая песня оборвалась на полуслове.

В 1917 г. минуя все предварительные формальности, в «уважение заслуг», Веселовскому присваивают звание доктора истории русского права, в этом же году он становится профессором Московского университета. Это назначение окончательно утверждает его в научной среде, как историка-профессионала. Столь радостное и долгожданное событие, чувство гордости за себя и сознания выполняемого долга были смазаны надвигающейся катастрофой. Впервые в жизни Веселовский, теперь уже бывший богач, прочувствовал на себе, что такое бедность и безденежье. Для его семьи началось голодное время. Чтобы как-то прокормиться Веселовские выезжают в имение Татариновка, где какое-то время он занимается пчеловодством. Но все это продлится недолго. В этом же году его приглашают работать в Центрархив, специально созданный для спасения ценнейших документов. В силу тяжелой обстановки в стране, об издании его новых работ не могло быть и речи. Эта ситуация сохранится до 1926 г.

В 1917 г. у Веселовского начинается дружба с И. Буниным, она будет недолгой, но содержательной. Этим двум скептикам было интересно друг с другом: «Мы с ним очень во многом сходимся». Краткий миг забвения, через несколько месяцев их дороги разойдутся навсегда. И Веселовский опять останется один.

27 февраля 1917 г. Веселовский запишет в дневнике: «В Земском союзе радость и торжество по поводу „конца царской России“. Конец-то конец, но не будет ли это концом независимости русского государства и народа вообще?» (5, № 3,

2000 г., с. 86). С этого момента характер дневника постепенно меняется. На его глазах начинала разворачиваться революция, которую он воспринял, как гибель страны. 1917 год, был особым годом в жизни Веселовского, поворотным. В записях за 1917 г. еще очень много личного, но, описывая свои любовные переживания и похождения, ведь ему надо выяснить отношения с женой и любовницей, Веселовский встраивается в механизм профессиональной рефлексии. Он все больше уделяет внимания политическим прогнозам и рассуждениям. Ему нравятся интеллектуальные упражнения, эмоции, жалость к самому себе, психическая подавленность и усталость уступают место – мысли, главной властительнице всей его жизни. «У всех, кого встречаешь, подавленное состояние духа. Катастрофа настолько велика и скоротечна, что сейчас невозможно окинуть ее одним взглядом и отнестись к ней определенно. Все происходящее так подавляет, что оценка и отношение к нему меняется иногда несколько раз в день» (5, № 3, 2000 г., с. 104). Тацит учил рассказывать историю «не поддаваясь любви и не зная ненависти», раскрывать повествование «без гнева и пристрастия», это и будет «восхождение» историка «по пути почестей». Веселовский так и поступит, свой личный дневник он постепенно преобразовывает в историческую лабораторию, в живую изучая исторический процесс, завязывающийся на его глазах в людях и их действиях. С 1918 г. в дневнике совсем мало личных записей, в основном исторические. Личная духовная жизнь Веселовского тесно сопрягается с общественным «настоящим», которое он переживал как современник и одновременно исследовал как ученый. Дневник обретает совершенно иной язык – научный. Веселовский в живую исследует современность, а для этого необходимо иное пространство. Личный дневник для этих целей тесен и узок, пора прорываться в иное измерение – в источник.

При решении творческой задачи необходима максимальная мобилизация личностных возможностей человека, определяющихся не только запасом его интеллектуальных знаний и умений, но и собственно личностными качествами, зависящими от его индивидуальных особенностей и ценностных ориентаций. (12, с. 156).

17 марта 1917 г. становится начальным отсчетом и точкой опоры историка Веселовского: «Я опять вернулся к мыслям о причинах нашей катастрофы и о будущем. Как хотелось бы заняться обработкой их и собиранием материала, но сейчас это кажется почти не возможным. Буду записывать отдельные мысли и делать выписки» (5, № 6, 2000 г., с. 96). Все суетное, наносное, а именно личностные переживания, отступают, уходят в прошлое,

он мгновенно преображается, встряхивается, будто сбрасывая остатки сна, расправляет крылья, ведь пора работать! Надо быть «достойным переживаемых событий». Веселовский скрупулезно фиксирует свои мысли о революции, России, политической ситуации в стране, исследует теоретические основы социализма: «Я никогда не был заражен народническими иллюзиями и идеалами, всегда считал их ошибочными, а частью фальшивыми, поддельными, основанными на незнании жизни вообще, и народной в особенности. Еще в 1904-05 гг. я удивлялся, как и на чем держится такое историческое недоразумение, как Российская империя. Теперь мои предсказания более, чем оправдались, но мнение о народе не изменилось, т. е. не ухудшилось. Быдло осталось быдлом» (5, № 6, 2000 г., с.99).

В конце 1918 г. психическое состояние Веселовского сильно ухудшается, он начинает думать о самоубийстве. Но мысли… Мысли о происходящем и переживаемом, любимая работа – спасают его, и в то же время коренным образом изменяют. «Только за чтением отдыхаешь от кошмаров действительности. Впрочем, и за чтением мысль возвращается к мерзостям переживаемой современности», «Я так устал нравственно, что не чувствую усталости. Живешь изо дня в день», «Просыпаюсь, пью кофе, иду в Управление Архивным делом, сижу там до 4 часов, возвращаюсь домой и т. д.» (5, № 8, 2000 г., с. 96, 99), – Веселовский задумывается об эмиграции: «Нет никакой возможности предвидеть, как, чем и когда кончится это безумие», – а потому, – «За последнее время я все чаще и чаще возвращаюсь к мысли об эмиграции. Не знаю, что мне давала среда, не могу этого уяснить себе, но что она обирает меня постоянно, это для меня было чувствительно» (5, № 6, 2000 г., с. 106).

От 2 до 3,5 млн. человек покинут бывшую Российскую империю, породив в Европе явление как «белая эмиграция». Это население маленькой европейской страны, так никогда по-настоящему и не ставшей европейской.

Дневник Веселовского насыщен аналитикой, но многие его рассуждения были не верными. Веселовский часто ошибался делая прогнозы на короткие временные отрезки, он плохо видел малое, но зато, никогда не ошибался на длительную перспективу, в таких случаях он говорил о будущем словно пророк. Исследование современности переплетается с жизненными реалиями: с беспокойством о семье, начавшимся голодом, страхом, полной неуверенностью в завтрашнем дне. Состояние творчества сопряжено с погружением в глубокие слои реальности. (9, с. 163). «Сегодня я опять думал об отношении к народу.

Невозможно жить, невозможно даже продолжать жить среди народа, в который не веришь, которого презираешь и не уважаешь» (5, № 8, 2000 г., с. 97). У Веселовского много вопросов к «переживаемой современности», он уже не просто анализирует, а восстанавливает ход событий, пытается уловить причинно-следственную связь, начинает жить в категориях исторического сознания.

Французский историк Люсьен Февр, как-то заметил: «Творчество должно присутствовать всюду, чтобы ни крупицы человеческих усилий не пропадало втуне. Установить факт – значит выработать его. Иными словами – отыскать определенный ответ на определенный вопрос» (16, с. 15). Другой французский историк Марк Блок в своей работе «Апология истории» описывая психический потенциал историка, определяет и психические качества, носителем которых тот является, уже будучи профессионалом. А теперь давайте посмотрим насколько это применимо к Веселовскому.

Марк Блок считает, что: «Настоящее вполне доступно научному исследованию, а потому действительность может быть лучше всего понята по ее причинам. Чтобы начать истинное познание необходимо иметь шкалу сравнения» (2, с. 24). В дневнике, для лучшего понимания происходящего, для обретения точки опоры в настоящем, и более точного прогноза на будущее, Веселовский постоянно сравнивает и анализирует русскую революцию с Французской и английской революциями. «Далее познание всех фактов человеческой жизни, – продолжает М. Блок, – должно изучаться по следам. И конечно же бывают моменты, когда настоятельный долг ученого велит, испробовав все, примириться со своим незнанием и честно в нем признаться» (2, с. 36). В дневнике профессионала – историка Веселовского мы находим такое признание: «Темное время, когда все спуталось, и мы долго лишены возможности понимать чего-либо, надеяться и предвидеть» (5, № 9, 2000 г., с. 116).

В такой интерпретации профессиональных качеств историка, Веселовский четко себя подтверждает и обозначает. На этих основаниях мы можем предположить наличие особого момента в профессиональной идентичности, некоего живого акта переживания истории, сознавания истории. Что такое сознавание? Это мгновенное расширение, раздвигание границ того, что видится как соединенное и соотнесенное. Расширение состоит в том, что больше элементов видится одновременно, причем видятся они, как связанные, интегрированные. Всегда, что-то из того, что видится как соединенное, присутствует здесь и сейчас, как часть текущей ситуации. Поэтому в сознавании всегда

есть элемент новизны» (19,с.161).

Расширение исторического сознания, миг сознавания истории в «переживаемой современности» подводят Веселовского к переосмыслению всего исторического процесса, ряд неожиданных открытий, которыми он делится, следуя долгу историка, и сознавая свою ответственность перед будущими поколениями, в своем дневнике, приводят его историка – профессионала к выводу, что никаких законов в истории не существует, есть только его величие случай. Переживая историю в живую, что нового в историческом процессе увидел и осознал для себя Веселовский? Вот несколько записей из дневника:

1920 г. – «Мне кажется, что то, что мы пережили, и еще переживаем, вполне дает нам, русским ученым, право и основание пересмотреть многие вопросы социализации. Пережитое обогащает наблюдениями и дает нам возможность сказать нечто существенное в дополнение к огромной литературе других народов» (5, № 8, 2000 г., с. 101).

1920 г. – «Я предвижу, вопреки многим моим знакомым, что будут еще очень жуткие моменты, в особенности для мирного населения, стоящего в стороне от партий и гражданской войны» (5, № 8, 2000 г., с. 101).

1921 г. – «Исследование нелепого и нелогического в жизни должно быть введено в сферу исследования социальных явлений вообще» (5, № 10–11, 2000 г., с. 116).

1921 г. – «Только теперь, переживая крушение всего государства и всей русской культуры, понимаешь, что литература была верным отражением и предвестием глубокого разложения всех слоев общества» (5, № 10–11, 2000 г., с. 127).

1921 г. – «Откуда этот самообман, что разум занимает в жизни человека чуть ли не первое место? А между тем историки больше всех подвержены этому самообману. В поисках „законов“ развития человеческих обществ, они строят все свои концепции на ложном предположении разумности всех действий и поступков людей» (5, № 10–11, 2000 г., с. 139).

В 1923 г., в силу внешних обстоятельств, Веселовский прекращает вести дневник, но на протяжении 21 года не перестает мысленно к нему возвращаться, заботится о его сохранности, следуя любимой привычке, многократно его переписывал, оставляя читателю свидетельства свободомыслия в безъязыковую эпоху. 20 января 1944 г. историк Веселовский делает последнюю запись. Дневник уже давно перестал быть личным, и даже источником, которому тесно находится в своем измерении, со временем, словно выстоявшееся хорошее вино, рукопись приобрела иную геометрию пространства. Веселовский

больше не заурядный летописец, отныне он свидетель истории. Он на «солнечном пути» как когда-то говорили древние, с особой миссией подтверждения своей сути, он готовит послание – предупреждение, итог всего прожитого и пережитого. «Все это ушло далеко в вечность. Быть может так и следует. Что наши беды, мысли и переживания в потоке событий? Но отделаться и не отделиться от личного не возможно, т. к. мое личное разумно или кажется мне разумным и полным смысла, а поток событий – это по Шопенгауэру бесконечная и непрерывная цепь человеческой глупости и злодеяний» (5, № 2, 2001 г., с. 78). На пределе сил, в последний раз, Веселовский открывается мнимому читателю, о котором он думал двадцать лет, и перед которым, как историк, чувствовал свою ответственность.

После его смерти, дневник некоторое время сохраняла его вторая жена Бессарабова О.А., в дальнейшем она передаст его на хранение сыну Веселовского от первого брака, Борису, который держал его у себя дома. Сейчас дневник находится в семейном архиве внука Веселовского. В 2000 г. он был впервые опубликован в журнале «Вопросы истории».

Веселовский не эмигрировал из России, исследование современности, обращение из настоящего в прошлое, быть может, именно на тот период примирили его с действительностью. Видеть, изучать, чувствовать, запечатлевать, наперекор всем жизненным обстоятельствам, порою себе во вред, ставя под угрозу свою жизнь, таков долг истинного историка, в этом его предназначение и ответственность перед будущими поколениями. Именно это чувство обыкновенный личный дневник превратило в летопись современности. Историк Веселовский победил человека Веселовского. Какова была цена такой победы? Не прорывалось ли иногда в чувстве долга историка нотка сожаления? Ведь мог же он все бросить, уехать, и жить совершенно другой жизнью. По воспоминаниям его дочери Анны Степановны, «в последние годы жизни всеми оставленный и одинокий ученый иногда сетовал, что не уехал из революционного государства в самом начале становления системы» (15, с. 130). Несмотря на скептическое и негативное отношение к советским реалиям, Веселовский все же сумел приспособиться к этому строю. Это и была его цена человека перед историком. Приспособленность выразилась в отстраненности от своих коллег историков и в одиночестве, он окончательно ушел во «внутреннюю эмиграцию». Но и в новой стране – СССР, Веселовский не только не затерялся и не сгнил в лагерях (как это случилось со многими «дореволюционными учеными» проходившими по делу «группы буржуазных историков»), не сдал своих позиций, как историк-профессионал,

но и обрел свое место, признание и заслуженные награды. В 1928 г. 1-я Большая Советская Энциклопедия писала о нем: «Веселовский имеет репутацию едва ли не лучшего знатока архивных документов социальной и экономической истории Московского государства XVII в. И скрупулезнейшего их издателя, дающего права полагаться на издаваемые им тексты, как на фотографические снимки» (4, с. 48). В отличие от многих коллег по цеху, он не прогибался и не прислуживал власть имущим, – остался верен себе до конца, – жил свободно и независимо. И во времена террора и всеобщего послушания его не тронули, хотя поведение его было опасным и вызывающим, например, в своих работах он не ссылался на произведения классиков марксизма, на то время уникальный случай!

В 1926 г. Веселовский вновь начинает публиковаться, и определяет для себя новую историческую тематику. Теперь вместо налоговой политики главной темой оказалось феодальное землевладение и история класса феодалов, XIV–XVI века, и отчасти Киевская Русь. Он первым вводит в историческую науку данные топонимики – науки о географических названиях. Смена научного поиска стала следствием работы в Центрархиве, в котором Веселовский обнаружил массу еще не введенных в научный оборот источников (все найденные в архиве многотомные акты он лично конспектировал). Веселовский первый проторяет, указывает дорогу, по которой последуют уже другие ученые, но они будут только вторыми, а он, истинный исследователь, конкистадор науки – первый. На меньшее он согласен не был. В смене его исторических интересов есть еще и подтекст. До революции Веселовский занимается косвенными налогами и финансовой системой, в революцию – серьезно изучает смуту и феодальную раздробленность, в эпоху Сталина – опричнину Ивана Грозного. Через настоящее или сквозь настоящее он постигал прошлое, а благодаря прошлому лучше сознавал настоящее.

Фундаментальные исследования по истории русского феодализма принесли Веселовскому заслуженный авторитет, уже в новой стране – СССР. И, несмотря на такой факт в биографии как «дореволюционный историк», в 1929 г., Веселовского избирают членом-корреспондентом Академии наук СССР. В 1934 г. ему присваивают степень доктора исторических наук. С 1936 г. и до конца своих дней он будет работать в Институте истории АН СССР.

В эти годы распадается его первый мучительный брак, второй женой становится Ольга Александровна Бессарабова. Вскоре у них родится дочь Анна.

В 1940-е гг. по негласному наказу И. Сталина, историки воспевали и превозносили его любимого героя – Ивана Грозного, Веселовский и был тем единственным шутом при короле, который позволял себе писать о жертвах террора, – «Исследование по истории опричнины», – интуитивно постигнув понимание опричнины XVI века, через проживаемый террор эпохи Сталина. Презирая всеобщий страх и раболепие, Веселовский остался верен чувству долга историка и своей ответственности перед историей и будущими поколениями. Остался он верен и своему пониманию истории через судьбы людей, которое шло вразрез с официальной версией о классовой борьбе как движущей силе истории, и марксисткой теории исторического процесса. Вся история сплетена из человеческих жизней, и историк, чувствующий и понимающий это, обращает все свое внимание именно на этот фактор, а не на построение догм и законов. Интерес к человеческому – это тоже выбор историка. Веселовский создавал галерею живых образов, яркие эмоциональные психологические портреты русских людей Средневековья, что выглядело странным диссонансом на фоне стремления к обезличиванию и нейтральности языка науки, насаждавшемуся в 40–50-е. гг. Это не прошло для него бесследно, на какое-то время его вновь перестают публиковать. Такая мера воспитания Веселовского не напугала, и конечно же не имела на него никакого воздействия. Последовательно и упорно он отстаивал свои научные и нравственные позиции.

В 1941 года начинается вторая мировая война, и второй раз в жизни, в возрасте 65 лет, Веселовский видит самое страшное – всеобщую гибель и смерть. На этой войне он потеряет двух сыновей, переживет эвакуацию в Казань, потом в Ташкент. Несмотря на его личную позицию в отношении официальной науки, и шельмованию со стороны критиков, его открыто клеймили в отставании от развития советской исторической науки, а научные теории считали порочными, ошибочными и называли «своеобразным историографическим анахронизмом» (14, с. 117), в 1946 г. ему присваивают звание академика, и высокие правительственные награды – орден Трудового Красного Знамени и орден Ленина. В своем восхождении по «пути почестей» он достиг вершины, его спутниками были личная смелость и интуиция, а еще тяжелая кропотливая работа «чернорабочего», оставившая после себя полновесный и впечатляющий результат.

И все же, как жил он, когда жить было невмоготу? Что чувствовал, находясь во враждебной постоянной оппозиции к миру? Защищаясь от внешней агрессии и страшной убийственной

критики коллег по цеху, одиночеством и скептицизмом. Принципиальный, самостоятельный, независимый, таким как он, тяжело ужиться с любой социальной системой. Ему нелегко было существовать с коллегами, со случайными людьми, друзьями, с принятыми нормами общества в любое жизненное время, будь то Российская империя, или Советский Союз.

Отчужденность и не возможность самореализации в личностных отношениях Веселовский направил в научное русло. На этой стезе он и раскрылся, обозначил себя, словно бриллиант, переливаясь гранями глубокой и таинственной души. «Проклятие талантливостью», – это бремя он нес гордо и достойно, наслаждаясь и упиваясь им. Но всему был отмерен свой срок. И кажущееся благополучие и правительственные награды были лишь началом подготавливаемого бесславного конца.

23 января 1952 г. его умирающего везли в Москву, проезжая мимо сел, Веселовский рассказывал их историю, когда и кем были основаны, кто там жил, что значит название. Он прощался. Увидевший и познавший все горести и превратности жизни, обозленный и одинокий, он уходил в вечность с чувством выполненного предназначения, в последний раз доказывая, что историком он стал не по прихоти богатого человека, а по странному желанию, которое «гнало», и только этому желанию, у него не было сил противостоять.

Список использованной литературы и источников

1. Ануфриева Р. Маргинальная личность: характерные черты. // Социология: теория, методы, маркетинг. № 3, 2000 г., с. 176–179.
2. Блок М. Апология истории. М.1998 г.
3. Бэкхерст Д. Философия деятельности. // Вопросы философии № 5, 1996 г., с. 72–78.
4. Веселовский С.Б. Первые воспоминания детства. // Московский журнал. № 3–5, 1997 г.
5. Веселовский С.Б. Дневники 1915–1923, 1944 годов. // Вопросы истории № 2-12, 2000 г.; № 2, 2001 г.
6. Веселовский С.Б. Труды по источниковедению истории России периода феодализма. М.1962 г.
7. Дао Дэ Цзин. Книга пути и благодати. М.2001 г.
8. Ермолаева Е.П. Профессиональная идентичность и маргинализм: концепция и реальность. // Психологический журнал. № 4, 2001 г, с. 51–59.
9. Казначеев В.П., Спирин Е.А. Космопланетарный феномен человека: проблемы комплексного изучения. Новосиб., 1991 г.
10. Кирнос Д.И. Индивидуальность и творческое мышление. М.1992 г.
11. Кобрин В.Б., Аверьянов К.А. С.Б. Веселовский. Жизнь. Деятельность. Личность. М.1989 г.
12. Пономарев Я.А. Исследование проблем психологии творчества. М.1983 г.
13. Смирнов И. Приобретение навеки. // Знание – сила. № 9, 1987 г, с. 50–57.
14. Смирнов И. С позиции буржуазной историографии. // Вопросы истории. № 10, 1948 г., с. 113–124.
15. Споров Д., Шокарев С. Историк Московского государства в сталинской России: к биографии С.Б. Веселовского (1876–1952 гг.) // Новое Литературное обозрение. № 78, 2006 г.
16. Февр Л. Бои за историю. М.1991 г.
17. Фромм Э. Догмат о Христе. М. 1998 г.
18. Черепнин Л.В. Отечественные историки XVIII – XX вв. М.1984 г.
19. Энрайт Дж. Гештальт ведущий к просветлению. М.2000 г.
20. Юнг К., Нойманн Э. Психоанализ и искусство. М.1996 г.